

Я ♥ читать

Анатолий Вассерман Нурали Латыпов

Самые интересные люди,
казусы и факты всемирной истории

людям о людях

**Нурали Нурисламович Латыпов
Анатолий Александрович Вассерман
Самые интересные люди, казусы
и факты всемирной истории**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6181419*

*Самые интересные люди, казусы и факты всемирной истории / Анатолий Вассерман, Нурали
Латыпов.: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-080841-0*

Аннотация

Знаменитые властители современных умов и главные апологеты исторической правды Анатолий Вассерман и Нурали Латыпов подготовили очередную блестящую книгу с самыми интересными фактами, загадками и спорными моментами нашей недавней истории.

Среди них: еще раз о Дзержинском, приключения в ГУЛАГе, надо ли учиться пить, особенности брака творческих людей.

Содержание

Анатолий Вассерман	4
Историческая альтернатива	4
Тайные причины	6
Отбросим или уничтожим?	8
Обстоятельства голодомора	10
Извне или изнутри	12
Праведное и цельное	14
Учиться у евреев	16
Логистика на Неве	18
Правда Нострадамуса	20
Коммуникационная ловушка	22
Дети – наши деньги	24
Вниз лучше, чем вверх	26
Между производителем и потребителем	28
Ошибка в ДНК	30
Право подчинения	32
Гениальный квадрат	34
Человек – это звучит дорого	36
Подземные заготовки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анатолий Вассерман, Нурали Латыпов

Самые интересные люди, казусы и факты всемирной истории

Анатолий Вассерман

Историческая альтернатива

Смысл истории проясняется несбывшимся

Среди профессиональных историков очень популярна фраза «история не знает сослагательного наклонения». Иными словами, с их точки зрения бессмысленно спрашивать «что было бы, если бы...».

Их понять можно. Профессиональному историку важнее всего выяснить, как обстояли дела в реальности. А выяснить это далеко не всегда бывает просто.

Юристы часто говорят «врёт как очевидец». Историки, разбирая мемуары, то есть свидетельства всё тех же очевидцев, повторяют эту фразу ничуть не реже. В мемуарах человек чаще всего старается не столько рассказать, как обстояли дела, сколько показать, как он сам был хорош в этих делах.

Впрочем, не всегда ограничиваются собою. Скажем, внимательное сличение мемуаров маршала Георгия Константиновича Жукова с его же приказами военной поры и с теми событиями, на основе которых строились приказы, доказывает: в мемуарах маршал изрядно выгораживал подчинённых – даже тех, кого непосредственно по ходу событий нещадно ругал, причём ругал за дело. В итоге сам маршал в своих мемуарах выглядит значительно хуже, чем был на самом деле, а его подчинённые значительно лучше. Бывает, как видите, и такое.

Но чаще всего мемуаристы всё-таки изрядно себе льстят. Лучше опираться на документы. Но в них зачастую положение тоже изрядно приукрашено. Документы внутренней отчётности – предназначенные не столько для публикации, сколько для управления делом – чаще прибегают по известной поговорке: идёшь к начальству за верблюдом – проси трёхгорбого.

Ещё надёжнее документов материальные свидетельства. Так, до наших дней сохранились только танки «Т тридцать четыре» позднего исполнения, с восьмидесятипятимиллиметровой пушкой и доведённой до ума конструкцией. И только парочка чудом сохранившихся где-то на задворках танков первого поколения, с пушкой калибра три дюйма, то есть семьдесят шесть целых и две десятых миллиметра, дала наглядное – а не только вычисленное по документам – представление, насколько всё-таки эти танки были в тысяча девятьсот сорок первом году далеки от совершенства и насколько на них было сложнее воевать, чем в тысяча девятьсот сорок третьем.

Словом, работа историка тяжела, запутанна. И надо отдать должное тем историкам, которые ухитряются в этих условиях полной неразберихи всё-таки выяснить, как обстояли те или иные дела.

Но история – не только наука. Это ещё и способ учёбы для всех нас. Хотя и говорят, что история учит только тому, что история ничему не учит. Но тем не менее, зная, как поступали наши предки в тех или иных сложных обстоятельствах, мы обретаем более надёжное

основание для выстраивания планов наших собственных действий в обстоятельствах пусть иных, но не менее сложных – а в каких-то деталях, бывает, даже и сходных с прошлыми.

Вот тут сослагательное наклонение выходит на первый план. Чтобы понять мотивы действий исторических личностей, волей-неволей приходится смотреть: а что было бы, если бы та или иная личность поступила иначе? И какие у неё были возможности поступить иначе?

До недавнего времени считалось, что наши войска не были отобилизованы к началу войны только по преступной халатности руководства. Но лишь сейчас начинает проясняться, что мобилизация, начатая официально, могла в стратегическом плане лишь ухудшить положение страны – даже при том, что тактически могла принести некоторый выигрыш. Эти исследования ещё далеки от завершения. То, что я сейчас сказал – лишь первый подход к делу. И я не сомневаюсь: в дальнейшем выяснится ещё много важного о причинах страшных для нас событий той эпохи. Но это лишь пример того, почему всё-таки сослагательное наклонение в истории бывает иной раз даже важнее изъявительного.

Существует даже целый жанр, находящийся на стыке науки и искусства – так называемая альтернативная история. Этому жанру отдавали должное и выдающиеся историки вроде английского учёного Арнолда Джозефа Джозефовича Тойнби, и многие блестящие писатели – их перечисление отняло бы куда больше времени, чем отведено мне сейчас на экране.

Они очень внимательно изучают: в какие моменты действительно можно было поменять ход истории, каким образом поменять. Что было бы, если бы в сорок первом всё-таки отдали то самое приказание о всеобщей мобилизации. Что было бы, если бы Александр Филиппович Македонский не умер в Вавилоне от последствий то ли лихорадки, то ли банальной пьянки. Что было бы, если бы после разгрома Северного общества на Сенатской площади Южное общество победило в одном из сражений конца тысяча восемьсот двадцать пятого года.

Сейчас, например, основная часть отечественных альтернативщиков внимательно изучает так называемый мир царя Михаила. Судя по всему, если бы Николай Александрович Романов передал власть брату не в тысяча девятьсот семнадцатом, когда император уже сделал практически всё плохое, что было в его силах, а хотя бы в тысяча девятьсот пятом, а ещё лучше в тысяча девятисотом, события развернулись бы намного лучше и для России, и в конечном счёте для всего мира – даже для стран, противостоявших нашей.

История – не догма. Её творит каждый из нас каждым своим шагом. И именно поэтому надо каждый раз задумываться: а что будет, если я поступлю иначе?

Тайные причины Исторические загадки объясняются логистикой и координацией

Этот термин – один из ключевых в современной торговле и производстве – в момент своего зарождения, в Древней Греции, означал искусство снабжения войск. Уже тогда победы зависели не только от мужества бойцов и мастерства полководцев, но и от правильной организации.

Почему немцы в тысяча девятьсот сорок втором атаковали именно Сталинград, где их не только ждали отступающие советские войска, но и встретила изобильная продукция тамошних заводов – артиллерийского и танкового? Почему даже мобильные соединения – танковые и моторизованные – втянулись в уличные бои вместо перехвата Волги в слабо-защищённом месте сотней километров южнее? Ведь главная цель операции – прикрытие фланга армий, атакующих Кавказ, и пресечение речной перевозки бакинской нефти – достигалась ударом едва ли не по любой точке главной реки!

Сталинград – ближайшая к Дону точка Волги. Южнее и севернее Дон резко уходит к западу, а Волга – ещё резче к востоку. Каждый километр смещения на юг удлиняет линию снабжения километра на два-три.

Дорожная сеть в этих краях даже сейчас оставляет желать немало лучшего. В ту же эпоху там была всего одна серьёзная железная дорога, а уж о приличных шоссе и мечтать не приходилось. Немцы подошли к Дону в конце июля, а до Сталинграда добирались весь август. По опыту прошлого года они знали, сколь сложно снабжать войска в осеннюю распутицу. Опытный штабист – один из разработчиков плана нападения на СССР «Барбаросса» – Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс рассчитал: его шестой армии куда легче и быстрее сломить сопротивление наших войска, изрядно потрёпанных на Дону и в междуречье, чем строить долгий обходной манёвр по степному бездорожью.

Советские штабисты подсчитали так же. На пути немцев возвели несколько полос обороны, когда бои шли ещё на Дону. Жаль, с эвакуацией горожан запоздали: пропускную способность переправ через Волгу использовали прежде всего для подвоза резервов. Да и не всех можно эвакуировать: завод «Баррикады» и тракторный снабжали войска техникой и вооружением.

Слабость дорожной сети мешала не только немцам. В Сталинград удавалось подвозить лишь незначительную часть наших свежих сил. Георгий Константинович Жуков организовал основные удары Сталинградского фронта по немцам с севера – далеко от города. Если бы не беспрестанное давление на фланг, Паулюс без проблем сосредоточил бы против города все силы – и скорее всего добил бы защитников.

Жукова ругают за бои под Ржевом – на первый взгляд, нелепые. Больше года наши войска штурмовали одну и ту же узкую полосу. Естественно, немцы соорудили там столько укреплений, что вышла мясорубка в худших традициях Первой Мировой войны. Неужели Жуков, награждённый в той войне двумя солдатскими георгиевскими крестами, не понимал, что творит?

И тут виновна логистика. Ржевская полоса насыщена коммуникациями. Туда с обеих сторон можно непрерывно подвозить подкрепления. Вдобавок на этом стратегически важном – Московском! – направлении обе стороны вынужденно держали крупные подвижные силы. Если бы наши перестали наседали на немцев – те сразу перебросили бы свои танки к тому же Сталинграду, или в Ленинград, или вновь кинулись бы на Москву... Сколь ни тяжки

наши потери под Ржевом – отказ от лобовых атак обернулся бы стратегическим поражением, то есть в конечном счёте потерей несравненно большей.

Тихоокеанская кампания той войны тоже насквозь логистична. Островки в Великом Океане столь редки, что возить военные грузы приходилось в основном на эсминцах – самых быстроходных кораблях со сколько-нибудь заметной грузоподъёмностью. Американцы решили не ползти от острова к острову последовательно (как шло японское наступление), а прорываться на такое расстояние от уже освоенных баз, какое эсминцы могут пройти за ночь: днём противостоять самолётам могла только крупная эскадра. Островок, находящийся вроде бы в глубоком тылу, чаще всего слабо готов к обороне, и штурмовать его легче. Организовав на нём свою базу, американцы отрезали обойдённые острова от снабжения – и те вскоре становились сравнительно лёгкой добычей.

Выигрывает логистика и нынешние войны. В том числе бескровные.

В числе ключевых элементов японского экономического чуда тысяча девятьсот шестидесятых – система снабжения «канбан» (в переводе – точно вовремя). Поставщики крупных сборочных заводов обязались присылать компоненты по строго согласованному графику. Капитал не омертвлялся в складских запасах.оборот резко ускорился. Промышленность стала рентабельнее. Вскоре японцы смогли скупать западные предприятия, создавать по всему миру филиалы своих заводов... Япония отыгралась за поражение во Второй Мировой.

Против японского канбан тоже нашлось американское логистическое оружие. Соблюдать график с той же точностью, что и на маленьких Японских островах, не позволяли американские просторы. Зато массовая компьютеризация производства позволила точнее учитывать сбои снабжения, корректировать работу. Вдобавок стало возможно собирать на одном конвейере сразу несколько модификаций одного изделия, подавая в нужное время к нужному месту соответствующие детали. На японскую дешевизну американцы ответили крупносерийной технологией исполнения индивидуальных заказов. Вот сила логистики!

Отбросим или уничтожим? Ошибки агитпропа аукаются десятилетиями

Популярность бывшего танкиста и капитана военной разведки Владимира Резуна (ныне пишущего фантастику в жанре альтернативной истории под псевдонимом «Виктор Суворов») опирается на простую мысль: готовился бы СССР в тысяча девятьсот сорок первом к обороне – Германия его бы не одолела.

В самом деле, для успеха наступления нужно хотя бы втрое больше сил, чем у обороняющихся. Германские войска к началу войны были немногим более нашей группировки в западной части страны. Стало быть, встанем в глухую оборону – наступление захлебнётся.

Правило тройного превосходства относится только к тактике – капитанов стратегии не учат. Наступающий, располагая инициативой, может выбрать для удара узкий участок и сосредоточить там хоть втрое, хоть вдесятеро (как и вышло у немцев в первые дни войны) перевес. А потом – прорвав линию обороны – гулять по незащищённым тылам и громить всё, без чего армия, оставшаяся во фронтовой полосе, превращается в безоружную толпу.

Поэтому даже в первые – самые кошмарные – дни и месяцы войны советское командование бросало войска именно в наступления. Найти у атакующей лавины слабые места, заставить противника останавливаться, чтобы их прикрыть, – единственный шанс обороняющегося.

Где командир прикажет – стоять надо насмерть. Но как раз ради того, чтобы в других местах могли наступать, не опасаясь за тыл.

Да и без этих рассуждений ясно: одной обороной войну не выиграть. Как говорят в спорте, победа – у чужих ворот.

Отчего же весь бывший СССР доселе зачитывается многотомным Резуном? Отчего ему так легко верить?

Прежде всего срабатывает ореол крупнейших советских оборонительных операций – Сталинградской и Курской. На Волге наши месяцами защищали город, разбитый в мелкий щебень, приковали к нему пару десятков дивизий врага и в конце концов дали другим армиям возможность окружить и разгромить немцев. На Курской дуге, где неизбежность германского удара была очевидна, выстроили укреплённую полосу глубиной несколько десятков километров – и немцы потеряли на ней едва ли не всё накопленное для прорыва.

Правда, и в этих операциях решающую роль сыграла атака. Паулюс не мог уйти из Сталинграда и перерезать Волгу в другом месте, потому что к северу от города на него непрерывно наседали войска, которые из-за транспортных сложностей нельзя было направить в сам город. На южном фланге Курской дуги немцы за неделю прогрызли всю полосу обороны, но отошли, потому что на севере наши начали контрнаступление во фланг нападавшим.

Эти подробности прошли мимо массового сознания. Послевоенная советская пропаганда воспевала стойкость и упорство обороняющихся – но не уделяла должного внимания отваге и изобретательности атакующих. Убеждая себя и весь мир в своём миролюбии, страна воспитала целые поколения граждан в полной уверенности: абсолютная пассивность – идеальная стратегия.

До войны наша доктрина была осмысленнее. Призыв «бить врага малой кровью на его территории» выполним, к сожалению, далеко не всегда. Но по крайней мере ориентирует на самостоятельную активность, а не отдаёт всю инициативу потенциальным (а тем более реальным) противникам.

Чисто военные причины такого изменения очевидны. Более сорока лет ожидалось: главным нашим противником будут Соединённые Государства Америки, а главным оружием

в предстоящей войне – ядерное. В таких условиях главная гарантия мира – возможность полного взаимного уничтожения. И приходится выпячивать оборону как символ этого уничтожения.

Но была и психологическая причина, по которой народ так легко воспринял идею пассивной обороны как главного средства победы.

В тысяча девятьсот сорок первом поэт Алексей Сурков и композитор Борис Мокроусов написали марш защитников Москвы с припевом:

Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Остановим, отбросим врага.

Это было логично. Враг подошёл к столице буквально на пушечный выстрел. Её захват означал паралич управления, связи, железных дорог всей страны, выводил из строя многие ключевые звенья оборонной промышленности... Независимо от манёвра войск вокруг города надо было не допустить врага непосредственно в Москву. Здесь жёсткая оборона была необходима.

В ночь на шестое декабря наши войска перешли в общее контрнаступление. Враг был – в соответствии с припевом песни – не только остановлен, но и отброшен. Возникли новые задачи. Но не было времени писать – а тем более разучивать – новую песню. Сурков изменил последнюю строку припева. Вместо «остановим, отбросим» стали петь «разгромим, уничтожим врага».

Так в массовое сознание впервые проникла мысль: противника можно истребить одной обороной, без наступления.

Одной песней дело не ограничилось. На удобрённую ею почву легло множество ядовитых семян. Скажем, неумелая пропаганда только оборонительной стороны сталинградского и курского сражений. Или обычное во все времена послевоенное стремление политического руководства лишить войска инициативы, чтобы избежать угрозы их вмешательства во внутренние дела.

Но отправной точкой общего заблуждения стало стремление пропагандистов быстро и без усилий решить свою задачу – а не задачу всей страны.

Обстоятельства голодомора Почему Украина страдала больше остальной России

Голодомор тысяча девятьсот тридцать третьего года – несмотря на бесчисленные пропагандистские легенды – трагическое стечение множества обстоятельств, почти не зависевших от воли центральной власти.

В ту пору в мире бушевала Великая Депрессия, обвалившая прежде всего цены сырья и продовольствия – основных наших тогдашних экспортных товаров. Кредиты же под контракты, заключённые в начале первой пятилетки – с тысяча девятьсот двадцать седьмого, – пора было возвращать. Пришлось наращивать экспорт. Между тем крестьяне, втянутые в колхозы, не знали, как работать в новых условиях: сваливали задания друг на друга, резали подлежащий обобществлению тягловый скот в надежде откуда-то получить новый. ... А когда на прочие несчастья наложился очередной неурожай, обвал по всей хлебородной Руси – от Украины до Северного Казахстана – стал неизбежен.

Кое-где обвалу противостояли активно. Скажем, в Поволжье ещё в тысяча девятьсот двадцать первом испытали все мыслимые тяготы, связанные с неравенством положения крестьян в одном селе при экстремальных обстоятельствах: от укрывательства продовольствия до забоя скота. Не зря до сих пор издания и сайты, рекламирующие украинский голодомор, иллюстрируют фотографиями и кинохроникой нансеновской миссии по спасению голодающего Поволжья от полного вымирания. С тех пор местная власть знала, как управлять селом в экстремальных условиях, и не допустила столь же массовой гибели.

Украинские руководители из-за нехватки такого опыта упустили дело. И, опасаясь наказания за нераспорядительность, пытались скрыть несчастье от Москвы: в частности, запрещали крестьянам уезжать. Зато пытались убедить столицу: крестьяне скрывают уже убранный урожай. Отсюда экзотические меры вроде чёрной доски – вывоза из государственных магазинов на селе всех товаров, обычно продаваемых в обмен на зерно – от текстиля до растительного масла: мол, захотят крестьяне одеваться – сами заначку выгребут.

Когда сквозь информационную блокаду сведения добрались до центра, голод уже унёс сотни тысяч жизней. Не помогли даже экстренные меры. Так, все корабли с зерном, ещё не дошедшие до портов назначения, по радиоприказу срочно вернулись в Одессу – и весь их груз пошёл на спасение тех крестьян Украины, кого ещё можно было удержать на этом свете.

Хуже всего голод был в мелких городках, ещё не включённых в создаваемую коммунистами систему централизованного снабжения. На селе можно прокормиться, даже если зерно выгребали подчистую: «не то беда, когда на столе лебеда, а горше нет беда, когда не стало и лебеды». А вот горожане, лишённые возможности купить хоть что-то у крестьян, подножного корма не имели.

В городе сопротивление насильственной украинизации было упорнее, чем на селе. Хотя бы потому, что литературную норму украинского языка сочиняли на основе южнорусских сельских диалектов, так что крестьянам почти не приходилось менять привычную речь. По официальной статистике в городском населении Украины доля русских была куда выше, чем в сельском. И прицельный удар по малым городам при желании можно объявить геноцидом – только не украинского, а русского народа. Хотя в нынешнюю официальную концепцию республиканских властей этот факт не вписывается.

Почти все руководители, по чьей вине общий неурожай отозвался на Украине острее, нежели в остальной России, через несколько лет репрессированы – и ныне числятся невинными жертвами коммунистического террора. Разве что Каганович да Хрущёв, вовремя поменявшие республиканские должности на союзные, да декоративный Петровский умерли своей смертью.

Союзная власть прекратила принудительное изъятие на селе. Зато резко нарастила экспорт иных видов сырья, хотя их цена после низшей точки депрессии восстанавливалась медленнее, чем зерна. Вдобавок на советское сырьё претендовали бывшие владельцы месторождений, эмигрировавшие после революции. Пришлось прокладывать нетрадиционные каналы продаж. Так, продажа эрмитажных сокровищ – акция не столько коммерческая, сколько политическая. Галуст Гюльбенкян за доставшиеся ему несколько шедевров годами продавал бакинскую нефть под видом принадлежащей ему иракской. Эндрю Меллон своей властью министра финансов снял со многих советских товаров эмбарго на рынке Соединённых Государств Америки.

Народ на Украине спасли. Но легенду о голодоморе до сих пор рекламируют – прежде всего галичане. Наша трагедия их не коснулась: Галичина до сентября тысяча девятьсот тридцать девятого принадлежала Польше. Но там был свой голодомор – пострашнее украинского. Из-за падения зернового рынка в начале Великой Депрессии крестьянам стало нечем платить налоги и погашать кредиты. За неуплату изымались дома, инвентарь, земля. Крестьяне оказались на улице без средств к существованию. Богатейшие страны смогли прокормить изрядную часть безработных то благотворительностью, то инфраструктурными проектами за казённый счёт. Польша же, полунищая даже в дни экономического бума, предшествовавшего депрессии, не могла обеспечить сносную жизнь хотя бы польским крестьянам, не говоря уж о галицких. Смертность в Галичине – в пересчёте на душу населения – оказалась куда выше, чем на Украине. В массовом сознании галичан оба голодомора слились.

Извне или изнутри Как бороться с преступным режимом

Незадолго до безвременной смерти Егор Тимурович Гайдар опубликовал неожиданно антиреволюционную книгу. Собранные выдающимся реформатором факты и аналитические выкладки приводят к однозначному выводу: сколь ни преступен правящий режим – его мгновенное падение порождает последствия столь разрушительные, что революция сама по себе оказывается едва ли не тягчайшим преступлением перед обществом.

Хотя вроде бы случается, что правители всё же хуже любой революции. Так, красные кхмеры под чутким идейным руководством бывшего студента Сорбонны за несколько лет истребили более двух миллионов камбоджийцев – из восьми миллионов, живших в стране к моменту прихода новой власти, – и не собирались останавливаться на достигнутом. Их свержение вторгшимися вьетнамскими войсками – куда меньшее зло, нежели возможное продолжение деятельности фанатичных детей, предводительствуемых циничными стариками.

Но красные кхмеры сами были революционерами. Их зверства – вроде забивания людей мотыгами ради экономии патронов – унесли куда меньше жертв, чем закрытие больниц, разрушение торговли, массовое выселение в деревню людей, имеющих опыт исключительно городской жизни... Словом, то самое разрушение сложной структуры общественного жизнеобеспечения, чьи последствия Егор Тимурович подробно и красочно описал, чью неизбежность после любой революции он убедительно доказал.

Есть и не столь яркий, как красные кхмеры, зато несравненно более знакомый в нашей стране пример заведомо преступного режима. Последствия деятельности национальной социалистической немецкой рабочей партии – более полусотни миллионов смертей, в том числе почти двадцать семь миллионов в нашей стране и более десятка миллионов в самой Германии. Непосредственно вследствие боевых действий на советско-германском фронте погибло более восьми с половиной миллионов наших бойцов и примерно шесть миллионов немецких. Если бы власть нацистов пресекли до начала Второй Мировой войны – всех этих смертей не было бы.

Увы, это очевидно лишь задним числом. До начала зверствования в СССР национальные социалисты практически не выходили за пределы приемлемого в тогдашней Европе. Даже пакет антисемитских законов, принятый в тысяча девятьсот тридцать пятом и обычно именуемый Нюрнбергским по месту официального подписания, всего лишь творчески заимствовал опыт сопредельной Польши, а окончательным решением еврейского вопроса считалось выселение ненавистного народа за пределы Европы. Даже в скандальной «Моей борьбе» Адольф Алоизович Хитлер всего лишь довёл до логического завершения теории расового неравенства и жизненного пространства, задолго до него разработанные уважаемыми английскими и французскими исследователями и пропагандистами. В Западной Европе нацистов не любят, по сути, только за то, что они осмелились применять к её обитателям некоторые из методов, активно применяемых самими же этими обитателями за пределами самой Западной Европы. Вплоть до начала этого применения никто – ни рядовые неосведомлённые обыватели, ни всезнающие политики – не верил в возможность столь невежливого обращения с собою. Иначе вряд ли сэр Артур Невилл Джорджевич Чембёрлен в Мюнхене в сентябре тысяча девятьсот тридцать восьмого выкручивал бы руки союзным французам и чехам, чтобы подарить немцам (по кусочкам, начиная с Судетской области с первоклассной системой укреплений) Чехословакию с её крупнейшим и высококачественнейшим в Восточной Европе производством боевой техники, вооружения и боеприпасов.

При всех невзгодах и лишениях войны Германия до тысяча девятьсот сорок пятого пребывала в образцовом порядке. Генералы попытались убить главу государства, лишь когда

договорились с западными противниками о немедленном прекращении боевых действий после своей удачи.

Согласование с противником действий после переворота – действие совершенно разумное. Ведь любой провал делегитимизирует власть. Значит, поражение может дать те же последствия, что и революция. Единственный шанс избежать полного распада общества – установление порядка извне.

Международное право настоятельно рекомендует оккупантам брать на себя управление занятыми территориями. Если они пренебрегают этим долгом, свержение даже явно преступного режима влечёт поток новых преступлений. После второй иракской кампании американцы распустили правящую партию, уволили всех состоявших в ней государственных служащих – то есть едва ли не весь аппарат управления – и долго не создавали ничего взамен. На совести Саддама Хусейна сотни тысяч погибших в ирано-иракской войне. Но за вычетом этих потерь, случающихся не только в диктаторских странах, по его вине убито куда меньше, нежели в разразившейся на почве безвластия схватке множества общин, чьи распри он сдерживал самыми жестокими способами.

Не зря отечественная внесистемная оппозиция – и до тысяча девятьсот семнадцатого, и сейчас – сотрудничает с зарубежными политиками. Разрушаешь управленческую структуру государства – держи в запасе систему внешнего управления, дабы переворот не обернулся пагубным безвластием.

Но если оккупанты отсутствуют или не желают исполнять свои международно признанные обязанности – даже свирепейшая диктатура лучше революции.

Праведное и цельное Внятная картина мира противостоит лживой пропаганде

Один из любимейших приёмов карикатуристов – дорисовка шедевров. Усатая леонардовская Мона Лиза или посаженный на унитаз роденовский Мыслитель вызывает неизменный смех практически любой аудитории. Ведь все мы чётко знаем исходный вид этих творений художественного деятеля, а потому мгновенно замечаем искажение, внесённое нынешним мастером.

А представьте себе домалёвку детского рисунка с хаотическим нагромождением деталей! Скорее всего усилия карикатуриста – или другого ребёнка, пожелавшего дополнить творение собрата, – останутся вовсе не замечены.

Гармонию легко разрушить, но очень трудно дополнить. Хаос же останется хаосом, что с ним ни вытворять. Этот принцип верен применительно не только к видимым изображениям, но и к мысленным.

В цельную картину мира трудно вписать новые данные, не согласующиеся с общей структурой. Если новое неоспоримо, приходится иной раз пересматривать всю структуру, создавая новый набор фундаментальных законов. Старые же законы вписываются в новую систему взглядов в качестве частных случаев.

Физика Аристотеля – проявление физики Ньютона поблизости от заметного центра тяготения и при сильном трении. Классическая электродинамика – проявление квантовой при достаточно больших расстояниях и зарядах, но при сравнительно малых скоростях.

Создать новые картины мира непросто. Их авторы – вроде того же Аристотеля или Бора – входят в историю. Научные революции происходят далеко не ежедневно и занимают многие годы, заполненные дружными усилиями научного сообщества, шлифующего предложенную гением картину и заполняющего неизбежно оставленные им бесчисленные пробелы. Пока цельная структура не выстроена, новые – не вписанные в неё – данные остаются предметом пристального внимания и серьёзного сомнения.

Сознание же, воспринимающее мир как набор разрозненных фактов, легко включает в этот набор любой новый факт – хоть истинный, хоть ложный. Такое сознание вовсе не располагает методами проверки истинности, зачастую не замечает даже бесспорные противоречия.

Если знаешь отличие тактики от стратегии, виден основной приём подтасовки, популярный у Владимира Богдановича Резуна – «Виктора Суворова» – и его выучеников вроде Марка Семёновича Солонина. Они сравнивают советские силы с германскими по тактическому критерию – в зоне наступления нужно тройное превосходство над обороной – и умалчивают о стратегических факторах вроде подвижности войск, позволяющей быстро создать в выбранной точке хоть десятикратное превосходство. Тому же, кто слышал о тактике со стратегией разве что из комментариев к шахматным партиям, рассуждения этих пропагандистов нашей немощи и низости представляются убедительными.

Цельная картина мира – едва ли не главное средство защиты от ошибок и целенаправленной недобросовестности. Человек, лишённый такой картины, уязвим на всех направлениях, где ему известны лишь разрозненные факты, не связанные сетью закономерностей, куда заблуждения и ложь не впишутся.

Рекламисты то и дело ссылаются на исследования неведомых учёных, якобы одобряющих очередную маркетинговую – то есть не отличающуюся от предшественников действительно серьёзными достоинствами – новинку. Далеко не каждый способен не то что

произвести самостоятельные исследования такого рода, но хотя бы проверить, существует ли помянутая в рекламе организация – а если существует, что на самом деле говорит о модном товаре.

Сходные приёмы политических рекламистов мне доводилось разоблачать по ходу множества предвыборных кампаний, где я участвовал. Я сам не столь сведущ, чтобы видеть все случаи, когда политик опирается не на реальные закономерности общественной жизни в целом и экономики в частности, а на пробелы в знаниях избирателей. Но и виденного мною достаточно, чтобы считать расчёт на невежество едва ли не популярнейшим во всей нынешней политике – и общемировой, и – увы! – внутрироссийской.

В Соединённых Государствах Америки традиция массовых избирательных кампаний едва ли не старейшая в мире. Не с этим ли связано пристрастие тамошней системы всеобщего образования к фактоцентризму, принципиальному отказу от строительства цельной картины мира?

Любая недобросовестность сама творит почву для своего грядущего наказания. Фактоцентрически воспитанный человек, не видящий закономерностей структуры мира, легко доступен усилиям любого бессовестного пропагандиста – но рано или поздно приходит новый пропагандист, ещё бессовестнее, и столь же легко перетягивает людей на свою сторону.

Так далеко пропагандисты заглядывают редко. Предел их горизонта – следующие выборы (или – в тех странах, где исход выборов предопределён – срок жизни действующего лидера).

Дальновидный же политик – как и коммерсант, желающий создать своему детищу долгосрочную репутацию, – не может запутывать свою аудиторию. Зато если он предложит ей нечто соответствующее реальной картине мира и располагает достаточным временем, рано или поздно вся просвещённая публика окажется на его стороне. Значит, ему выгодно просвещение, строящее в массовом сознании такую картину.

Легко вести за собою слепцов. Но если Вы уверены, что Ваше дело правое – Вам нужны люди, по меньшей мере способные отличить правое от левого.

Учиться у евреев С природными сложностями можно ужиться

Нелепость парниковой теории глобального потепления доказана за десятилетия до её появления. Но средняя температура Земли сейчас и впрямь растёт. Причём рост вызван не промышленной деятельностью человека. Значит, затормозить его замороженными средствами – вроде разорения угольной промышленности со всеобщим переходом на нефть и газ – не удастся.

Можно охладить планету, стимулируя образование облаков, чтобы солнечный свет отражался высоко в небе и не грел твёрдую поверхность. Но при этом ухудшатся условия для растений – а от них человечество (да и прочий животный мир) зависит куда больше, чем от температуры.

Нынешний разогрев Земли Солнцем через пару десятилетий сменится спадом температуры. Удастся ли быстро устранить искусственно созданные облака и прочие средства глобального охлаждения? Как бы нам не пришлось вести новую героическую борьбу – на сей раз уже с морозами.

«Что же из этого следует? Следует жить!»

Человек адаптируется к изменениям внешних условий несравненно лучше любого другого животного. Ибо способен менять собственную среду обитания. Пока не в глобальных масштабах: нынешний нагрев планеты порождён – несмотря на всё наше самомнение – внешними причинами. Но по меньшей мере в пределах непосредственной досягаемости.

По старинной присказке, местечковый умник в большом городе – еле-еле сумасшедший. Лето две тысячи седьмого поставило немало рекордов жары в Москве. Но для моей родной Одессы эти московские температуры далеко не запредельны. А уж мои сокомандники, пребывающие в Израиле едва ли не больше, чем я в Одессе, и подавно не заметили ни в московской, ни в одесской жаре ничего сверхъестественного – кроме журналистского шума по её поводу.

Одесса изначально рассчитана на климат куда более жаркий, нежели в Москве. Но и одесская жара по ближневосточным меркам скромна – поэтому семитские народы ещё с финикийских времён вырабатывали куда более совершенные, нежели в наших краях, способы поведения при высокой температуре и защиты от неё.

Канотье одесских «пикейных жилетов» – не прихоть моды, а лёгкая и хорошо вентилируемая защита головы от южного солнца. Среднеазиатский стёганный халат и арабский бурнус не пропускают к телу ни ночной холод, ни палящий воздух свирепого летнего дня.

Толстые стены, шторы и жалюзи на окнах – привычные черты южного дома. На севере можно экономить на стенах, если отопление дёшево. Зато от жары до недавних времён нечем было защититься, кроме стен – тепловых аккумуляторов: ночью они отдают тепло, и дневная жара должна прогреть их насквозь, прежде чем доберётся до комнат.

Калифорнийские кондиционеры тратят на охлаждение воздуха в домах едва ли не больше энергии, чем вся Россия – на отопление. Уже из этого видно: нашумевшая книга Паршева «Почему Россия не Америка», объясняющая наши экономические трудности неизбывными русскими морозами, имеет к реальности не большее отношение, нежели, к примеру, «Война миров» Уэллса (а по литературному дарованию фантасту Паршеву далеко не то что до фантаста Уэллса, но даже до фантаста Головачёва).

Распорядок жизни жарких стран тоже теплозащитный. Средиземноморская сиеста – отмена дневной активности – сохраняет силы, чтобы прохладным вечером с лихвой наверстать упущенное.

Главное же – юг вырабатывает радикально иные, нежели на севере, технологии производства. Так, капельное орошение в Израиле позволяет питать один из щедрейших в мире урожаев из тамошних крайне скудных речушек (легендарный Иордан куда мельче Яузы).

Есть в жаре и достоинства. Тот же Израиль не развивает горячее водоснабжение. Даже зимой, когда температура в некоторых районах опускается почти до нуля, многие километры чёрных тонких труб на крышах жадно впитывают солнечные лучи – вода в них нагревается так, что душ вполне комфортен. А уж летом из этих труб едва ли не кипяток течёт.

Перечислять способы приспособления к жару и использования её возможностей можно очень долго. Любой специалист назовёт сотни примеров. Глобальное потепление – как и похолодание – далеко не катастрофа. Человечество в целом выработало столько рецептов выживания в любых условиях, что их более чем достаточно для неуклонного всеобщего процветания.

Успешнее прочих осваивает жару Израиль – единственная пустынная страна, создавшая европейский уровень жизни не ценой сырьевого экспорта, а исключительно делами голов и рук своих жителей. Еврейский опыт позволит всему человечеству благополучно пережить предстоящую пару десятилетий.

Даже глобальное потепление не отменяет глобальную же конкуренцию. Кто первым перенесёт на свою почву израильские уроки – получит ощутимое преимущество перед не столь расторопными конкурентами. Правда, ненадолго: всего на ту же пару десятилетий. Но в промышленности за это время меняется два-три поколения оборудования и технологических процессов. Опережение хотя бы на пару лет – выигрыш по меньшей мере в половину поколения. Наша авиация в Великой Отечественной войне как раз на полпоколения опережала германскую – и несмотря на все организационные неурядицы, к середине войны мы уже прочно господствовали в воздухе. Может быть, и теперь – в войне с природой – работаем с опережением?

Логистика на Неве

Санкт-Петербург – экономически вынужденный город

В исторической науке принято говорить: «История не знает сослагательного наклонения». С античных времён известно: даже боги не могут сделать бывшее небывшим. Нельзя переиграть былое, опробовать разные варианты действий.

Но исторические события можно оценить только сравнением с несостоявшимися вариантами. Так, болезненная для нас память об Иване Четвёртом Васильевиче Рюриковиче или Иосифе Первом Виссарионовиче Джугашвили – при всей скромности их кровопролитий на фоне деяний правителей многих других стран в те же эпохи – заставляет спрашивать: а можно ли было менее свирепыми средствами решить сложнейшие задачи, вставшие перед страной, или любым путём добиться лучшего результата?

Не зря с давних времён на стыке литературы с наукой развивается увлекательное направление исследований – альтернативная история. Ей отдали дань даже многие классики. Так, британский историк Арнолд Джозеф Тойнби славен не только концепцией ответа на вызов как движущей силы истории, но и сборником очерков об исторических развилках: скажем, что было бы, если бы Александр Третий Филиппович Македонский не умер в Вавилоне в тридцать три года (до сих пор спорят, погубила его лихорадка или пьянка)?

Увы, свобода альтернативной истории – кажущаяся. Великие дела редко свершаются по произволу. Так, северная столица России создана по точному расчёту логистики – искусства снабжения – на уровне целого театра военных действий. Да ещё в сочетании с межгосударственным экономическим сотрудничеством.

С середины семнадцатого века – когда Россия оправилась от последствий Смутного времени и снова вошла в мировую политику и экономику – и вплоть до конца наполеоновских войн главным нашим торговым партнёром была Англия. Россия систематически нарушала установленную Наполеоном Карловичем Бонапартом антианглийскую континентальную блокаду: без торговли с островной державой мы разорились бы. Но и британцы нуждались в нашем товаре ничуть не меньше, чем мы – в плодах их промышленности. Лучшим материалом для канатов на флоте – основе британского величия – была русская конопля. Наше железо почти до конца девятнадцатого века выплавлялось на древесном угле и потому было куда чище английского: там леса, пригодные на топливо, сведены ещё в средневековье, а коксовать каменный уголь хотя и попытались ещё в тысяча семьсот тридцать пятом, но нюансы процесса, включая удаление вредных для металла примесей, осваивали ещё порядка века.

Наш хлеб был нужен и на юге. Но там хватало конкурентов: скажем, нищая Италия охотнее возила зерно из соседней Франции.

А главное – турок мы научились бить уже к концу правления Петра Первого Алексея Романова. С тех пор южный театр военных действий не требовал особо пристального надзора высшей государственной власти: зачистка Черноморского побережья от турок и покорение крымских татар хотя и заняли более полувека, но проходили в рутинном режиме. Даже в Крымской войне два наших полка легко сокрушили отборных французских гвардейцев – зуавов – благодаря тому, что по одежде в арабском стиле приняли их за турок.

На севере же мы с тысяча пятьсот девяностого по тысяча восемьсот девятый почти непрерывно бились со Швецией. Успокоились шведы, только когда мы отвоевали у них Финляндию и по льду Ботнического залива атаковали Стокгольм. До того даже тривиальная проводка морских торговых караванов в мирное время могла обернуться полноценным сражением.

Располагали шведы не только умелой армией, но и мощным флотом. Это придало войне динамику, недостижимую на чисто сухопутном фронте причерноморских степей. Для принятия стратегических решений нам зачастую оставались даже не дни, а считанные часы.

К концу эпохи русско-шведских войн – в тысяча семьсот девяносто втором – братья Клод и Игнатий Шапп разработали оптический телеграф. Все его узлы и принципы известны ещё с античности. Если бы конструкция появилась веком ранее, динамичным балтийским театром военных действий можно было бы управлять из Москвы. Но у Петра Первого Алексеевича Романова не было связи быстрее конного гонца. Пришлось переезжать к центру событий.

Вдобавок на Балтике не так уж много мест, удобных для кораблестроения. Ригу, отвоёванную у шведов по ходу Северной войны, куда труднее защитить от вражеских рейдов, чем Петербург, прикрытый с моря системой островов (на крупнейшем из них – Котлине – воздвигнута мощнейшая морская крепость Кронштадт). Создание же флота – дело весьма затратное, а потому требующее непрерывного надзора высшей государственной власти.

Через два года после смерти Великого на трон сел его внук Пётр Второй Алексеевич Романов – и вместе с двором вернулся в Москву. Но ещё через три года – сразу после смерти юноши – центр империи вновь пришёл на Неву. И оставался там, пока большевики не вырвали страну из системы международной торговли.

Говорят, тяготы сотворения Северной Пальмиры на болотах унесли многие тысячи строителей. Увы, на войне как на войне: эти жертвы ничтожно малы по сравнению с потерями страны в случае поражения от шведов. А без балтийского центра управления поражение было практически неизбежно: при тогдашних средствах связи не выстраивалась из Москвы ни координация, ни логистика.

Правда Нострадамуса Зашифрованный прогноз

Один из знаменитейших предсказателей – Мишель де Нотр-Дам, или, как он подписывался в латинизированной форме, Михаил Нострадамус – замечателен во многих отношениях. Глубоко и разносторонне образованный, с богатейшим жизненным опытом. Успел заняться множеством интересных работ. В частности, был врачом. В своём родном городе даже сумел остановить эпидемию чумы, что и по нынешним временам довольно сложно. Похоже, он вовремя заметил первые приметы этого несчастья и успел организовать действительно надёжный карантин.

Однажды он в очередном гороскопе сформулировал фразу, оказавшуюся приложимой к последовавшей после того смерти короля Генриха Второго. Тот погиб довольно нелепым образом: участвовал в рыцарском турнире, у его противника раскололось копье, тоненькая щепка проскочила сквозь щель в забрале шлема и попала в глаз. Случай действительно несчастный и совершенно непредвиденный, но вот так уж Нострадамусу повезло. Или не повезло, судя по последствиям. Гороскопов он составлял много, ибо они были в большой моде, и одна из формулировок случайно попала – как у меня в своё время попала в реальный случай формулировка «на тебя лошадь наступит». Бывает.

После этого Нострадамуса сочли идеальным прорицателем и начали верить всему, что он говорит. Это очень выгодно, ибо за пророчества люди готовы щедро платить в надежде, что потом смогут возместить расходы, обойдя особо острые подводные камни судьбы. Насколько я могу судить, эта надежда никогда не оправдывается, но верят в такую возможность очень многие.

Но, с другой стороны, Нострадамус весьма интересовался реальной жизнью. А тут получилось, что он просто не может ничего о ней сказать, потому что всё воспринимают как пророчество.

Дальше перескажу статью, опубликованную в журнале «Наука и жизнь» лет, наверно, пятнадцать назад. Мой пересказ далеко не столь увлекателен, как оригинал, но боюсь, что оригинал сейчас даже менее доступен, чем мои слова.

Нострадамус, помимо всего прочего, в какой-то мере мой коллега – политический аналитик и консультант. Похоже, это вообще далеко не худший вариант карьеры для человека, чьи ум и образование столь известны окружающим, что систематически преувеличиваются. В его время самой актуальной политической проблемой была религиозная война по всей Европе между католиками и недавно сформировавшимися протестантами.

Главным оплотом католиков стала Испания – в ту пору величайшая из европейских монархий, владевшая половиной ресурсов Западного полушария. Нострадамус задумался: что будет, если и в самой Испании протестантство войдёт в моду? И начал рассчитывать, как в этом случае обернутся события. Получился большой и очень увлекательный анализ со множеством крайне серьёзных последствий для всей Европы. Но опубликовать его тогда было просто рискованно. Во-первых, Франция – католическая страна, и там за описание перспектив протестантства не похвалили бы. Во-вторых, могли и просто наёмного убийцу подослать в качестве мести за слишком эффектный прогноз.

Но в ту пору – и ещё пару веков после Нострадамуса – в науке бытовал интересный обычай. Чтобы застолбить приоритет, публиковали ключевые формулы открытия в зашифрованном виде. Если в дальнейшем открытие подтверждалось, учёный публиковал ключ к шифру и таким образом доказывал: «Вот ещё когда я всё это придумал!» Ну, а если не подтверждалось, он просто оставлял ключ в секрете и его репутация не портилась.

Нострадамус воспользовался этим же приёмом. Он придумал шифр к своему исследованию.

Например, в тогдашних религиозных войнах колоссальную роль сыграли войска Швеции. Достаточно вспомнить Тридцатилетнюю войну, шедшую с тысяча шестьсот восемнадцатого по сорок восьмой год в основном на территории многочисленных государств, ныне слившихся в Германию. Итоги войны подвёл Вестфальский мир, зафиксировавший правило невмешательства во внутренние дела государства. В частности, было установлено: *cuius regio tuius religio* – чья власть, того и вера. Так вот: протестантскими стали те государства, где успели побывать шведы, а все прочие так и остались католическими.

Швеция – самая северная страна тогдашней Европы. Поэтому Нострадамус назвал её «северным соседом». Испания у него стала «красной», поскольку красный – основной в Испании геральдический цвет. У него даже появились «красно-красные» – испанские кардиналы, ибо кардиналы ходят в красных мантиях, и так далее.

Получившийся зашифрованный текст Нострадамус изложил в стихотворном виде и опубликовал.

События пошли другим путём. В Испании так и не появилось сколько-нибудь значимого протестантского движения. Соответственно и ключ к прогнозу Нострадамус публиковать не стал. А когда он умер, сработала репутация: его текст сочли пророчеством для будущих времён, а не анализом современных ему событий, и пытались расшифровать, примеряя к каждому новому повороту истории. Только в конце тысяча девятьсот восьмидесятых кто-то из российских историков догадался наконец примерить слова Нострадамуса не к нашим дням, а к его собственной эпохе. Всё сошлось. Но легенды о Нострадамусе так популярны, что реальное содержание его слов до сих пор не знает почти никто, а все предпочитают фантазировать.

Коммуникационная ловушка Ржевские сражения были жизненно необходимы

На поле боя Великой Отечественной войны наша армия мало уступала противнику. Безвозвратные потери – убитые, раненные так тяжело, что вовсе выбыли из армии, умершие в плену – одиннадцать с половиной миллионов человек у нас, восемь и шесть десятых миллиона у немцев и их союзников. Четыре к трём – достойное соотношение.

Демографические потери – включая погибших мирных граждан и спад рождаемости – двадцать шесть и шесть десятых миллиона у нас, одиннадцать и восемь десятых миллиона у противника: пять к двум. Но это – следствие старательного исполнения предначертаний правившей в ту пору национальной социалистической немецкой рабочей партии: освобождение жизненного пространства для высших народов и рас путём истребления низших.

Впрочем, многие считают: немцы истребили столько штатских потому, что военные их не защитили. Может быть, советское командование могло действовать эффективнее?

Серьёзной нашей неудачей в той войне принято считать бои под Ржевом. Задачу занять город поставили восьмого января тысяча девятьсот сорок второго, а решили тридцать первого марта сорок третьего. За пятнадцать месяцев прошли всего две сотни километров. Безвозвратные потери – четыреста тридцать три тысячи человек. Санитарные – раненые, после лечения вернувшиеся в строй – около восьмисот девяноста двух тысяч.

Наступали мы четырежды – в сумме около полугода. Каждый раз – на подготовленную долговременную многослойную оборону. Прогрызается она ценой тяжких жертв – ради глубокого прорыва, дабы разгромить тылы врага и затем легко разбить его войска, лишённые снабжения. Немцы же держали под Ржевом мощные подвижные – танковые и мотопехотные – соединения. Они успевали заткнуть дыры в обороне, выстроить новые системы огня. Поэтому общие немецкие потери под Ржевом чуть ли не вчетверо ниже наших, а в целом по Западному направлению в тысяча девятьсот сорок втором – в два и семь десятых раза (хотя в том страшном году соотношение на других направлениях было для нас ещё хуже). Правда, после каждого нашего удара немцам приходилось пополнять подвижный резерв, снимая силы с других участков фронта. Но и наши силы под Ржевом восстанавливались по нескольку месяцев. Не зря зачастую говорят о Ржевской Мясорубке.

Стоил ли Ржев столь страшной цены?

Увы, стоил. Ибо характер того сражения всецело обусловлен не местными обстоятельствами, а стратегическими – проявляющимися иной раз за многие сотни километров от Ржева – соображениями.

Ржевская группировка контролировала магистрали, связывающие Москву и Смоленск – крупнейшие центры коммуникаций. Причём не только дорог от тыла к фронту, но и рокадных – вдоль фронта. Поэтому под Ржев проще всего было доставлять подкрепления и боеприпасы, а главное – оттуда войска легко перебрасывались на другие участки.

Мы не могли отказаться от атак укреплённой линии по мере накопления свежих сил и боеприпасов. Если бы немцы почуяли нашу пассивность на ржевском фронте – сразу отвели бы войска под Смоленск, а оттуда по рокадам перебросили к Ленинграду или Сталинграду. Нарушение неустойчивого равновесия на любом из этих ключевых участков привело бы не только к захвату самого города, но и к обвалу громадной части фронта. Жертвы многократно превзошли бы все кошмары Ржева.

Удержала немцев от такого манёвра лишь угроза разгрома отступающих нашим ударом вдогонку. Но не только ради такого удара мы не могли перебросить из-под Ржева – ни к Ленинграду, ни к Сталинграду – свои силы. Немцы умели нащупать малейшую слабинку в чужих боевых порядках, вклинить в неё подвижные части (а под Ржевом их хватало) и

развить наступление. Ржев недалёк от Москвы. Немцы могли повторить ход, сорванный в ноябре – декабре тысяча девятьсот сорок первого. С учётом достигнутого в сорок втором уровня военного искусства и подвижности обеих сторон нам надо было держать под Ржевом силы, в разы превосходящие возможное немецкое наступление – иначе мы не успели бы заткнуть брешь.

Поэтому же нам под Ржевом нельзя было пассивно обороняться. Атакуя, мы вынуждали немцев концентрировать свои силы на угрожаемом направлении, не позволяли им искать места, удобные для прорыва наших позиций.

Обе стороны сознавали: бои под Ржевом не решают никаких задач, важных именно для этого региона. Немцы ещё в Первой Мировой войне намаялись в позиционном тупике Западного фронта. Теперь они вовсе не желали, как в ту пору, сжигать ресурсы в пассивной обороне. Наши военачальники благодаря манёврному характеру Восточного фронта и Гражданской войны не накопили столь печального опыта, но теоретически знали бессмысленную кровопролитность атаки подготовленных укреплений, за которыми – подвижные резервы. Увы, структура коммуникаций не оставляла в центральной части фронта иного выбора ни нам, ни немцам.

На ясном стратегическом фоне было немало тактических ошибок. Мы – из-за меньшего боевого опыта – ошибались чаще. Только к концу тысяча девятьсот сорок второго – под Сталинградом – мы впервые разгромили окружённого противника. Весной сорок третьего немцы очистили Ржев под угрозой такого же окружения. Но само по себе стремление драться под Ржевом в сорок втором совершенно неизбежно и поэтому оправдано как «деяние, совершённое в состоянии крайней необходимости».

Дети – наши деньги

Никакие накопления не заменят населения

Я – политик не столько действующий, сколько консультирующий. Поэтому могу позволить себе говорить такое, чего ни один публичный деятель, дорожащий шансами на переизбрание, не скажет. Вот и прошедшим летом я заявил то, что практически все политики прекрасно знают и без меня: демографический спад невозможно преодолеть без отказа от нынешней концепции всеобщего пенсионного обеспечения.

Дети – не только цветы жизни и продолжение наших надежд. Цветы надо растить (иной раз до четверти века, прежде чем ребёнок станет хотя бы теоретически способен искать своё место в жизни). Да и ради воплощения надежды тратятся немалые силы и средства – хотя бы на поиск и оплату хороших кружков по интересам. Всё это изымается из ресурсов, полезных для собственного жизнеобеспечения. Главный безвозвратно расходуемый ресурс – время. Даже если оплачен отпуск на несколько лет для ухода за ребёнком – все эти годы вычеркнуты из профессионального совершенствования и карьерного роста.

Осложняется и личная жизнь. Уход за ребёнком – круглосуточный монотонный труд, пусть и скрашиваемый восторгом при виде явных признаков каждого нового этапа развития. Бессонница от детского плача – одно из известнейших, но далеко не тяжелейших последствий пребывания в доме человека, физиологически не способного контролировать собственную жизнедеятельность. Ребёнок осваивает нелёгкие искусства перемещения в пространстве, открывания дверей и ящиков, удержания предметов разной формы и прочих деталей взрослого поведения. И при этом неизбежно громит всё домашнее хозяйство. Это пугающей бессонницы.

А потом родители повторяют поговорку: большие детки – большие бедки...

Словом, нынче многие считают: куда выгоднее не тратить силы на детей, а копить деньги на старость.

Но деньги сами по себе несъедобны. Они – всего лишь способ получить какие-то материальные блага. А их ещё надо произвести. Если демографический спад продолжится – произвест будет некому.

Мои оппоненты указывают: соотношение между трудоспособными и пенсионерами, установившееся ныне, ещё долго не изменится, и средний уровень жизни сохранится, пока сокращение общей численности населения не затруднит поддержание и развитие технологий. Правда, Россия до этого дошла при развале СССР: ведь в большинстве нынешних технологий новые разработки заведомо не могут окупиться на рынке, где живёт менее двухсот миллионов человек. Но в Европейском Союзе или Северо-Американской Зоне Свободной Торговли (не говоря уж о Китае с Индией) ещё несколькими поколениям нечего бояться. А там и технологии разовьются, снимая опасения за благосостояние иждивенцев. Уже сегодня в сельском хозяйстве Соединённых Государств Америки занят всего каждый пятидесятый (а с учётом сезонных работ – каждый тридцатый) житель – и при этом США экспортируют добрых две трети производимого продовольствия. И по прочим видам жизнеобеспечения один с сошкой рано или поздно легко прокормит семерых с ложкой. Было бы у этих семерых под старость накоплено достаточно, чтобы оплатить его труд.

Долгосрочные накопления идут на инвестирование – в частности, техническое перевооружение производств. Но в рамках одного поколения технологий каждый следующий грош, вложенный в оборудование, даёт меньшую отдачу, нежели предыдущий. Новые же методы рождаются не каждый день. Фридрих Фридрихович Энгельс правильно отметил: когда у общества возникает потребность, она движет науку вперёд больше, чем десяток университетов. Но если собрать девять беременных, ребёнок за месяц не родится! Генрих Сау-

лович Альтшуллер указал: фундаментальное открытие должно обрести многими тысячами изобретений разного уровня творческой новизны, прежде чем даст заметные результаты. На поиск уходят многие десятилетия.

Если у нас не будет детей, денежные накопления не помогут: их некому будет использовать для производства того, что потребуется нам на пенсии. Сегодня мы ещё надеемся на гастарбайтеров из стран, где молодёжи пока хватает, да на вынесение туда производства. Но проблема настигнет наших – пусть и немногочисленных – потомков: ведь вслед за развитым производством в эти страны придёт и современная структура общества, включающая сильную социальную политику, в том числе и всеобщее пенсионное обеспечение.

Сам этот привычный нам способ жизнеобеспечения – довольно новый. Пенсии тысячелетиями были редкой привилегией. Только в конце девятнадцатого века канцлер Второй Германской империи Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинандович герцог фон Лауэнбург князь фон Бисмарк унд Шёнхаузен в борьбе с социалистами принял некоторые популистские меры – в том числе пенсии для всех. Другой любимый мною автор политических афоризмов и поборник величия империи Уинстон Леонард Рэндолфович Спенсёр Чёрчилл сказал: политический деятель думает о следующих выборах, а государственный о следующих поколениях. Как видно, Бисмарк в данном случае не явил мудрости государственного деятеля.

Все пенсии уничтожить невозможно. Всегда кто-нибудь рано потеряет детей или по объективным причинам вовсе не сможет их завести. Но если мы в массе своей не поймём, что конечным источником всех богатств остаётся именно труд – будем обречены на нищую старость и голодную смерть.

Вниз лучше, чем вверх

Дамбы против наводнений – стратегия тупиковая

Будучи в очередной раз в Одессе, обратил внимание на выплеск пугалок в местных и республиканских средствах массовой информации. Дамбы в нижнем течении Дуная давно не обновлялись. При очередном паводке их того и гляди прорвёт и размочит – а тогда всей округе не поздоровится.

Самое странное в этом шуме – то, что местные власти действительно полагают обваловку русла громадной реки защитой от её разливов...

Хуанхэ – Жёлтая река – и Янцзы – Длинная река – тянутся из Тибета через весь Китай. Подпитка тающими горными льдами и муссонные дожди создают мощные паводки. На равнинах уровень воды поднимается иной раз на пять метров. Затопливаются преизрядные окрестности.

Китайские крестьяне по меньшей мере две с половиной тысячи лет ограждают себя от разъярённых паводковых вод дамбами, ограждающими всю равнинную часть великих рек. Вдоль Хуанхэ и её притоков тянется уже около пяти тысяч километров насыпных стен, вдоль Янцзы – более двух тысяч семисот километров.

Сооружения грандиозные. Можно лишь восхищаться трудолюбием миллионов крестьян. И сокрушаться их же недалёковидности.

За тысячелетия вроде бы можно было возвести непроницаемые плотины на века вперёд. Между тем их наращивают едва ли не ежегодно. Значит, есть в самой идее защитного сооружения нечто, ставящее эффективность идеи под серьёзное сомнение.

Это «нечто» кроется в самом названии реки Хуанхэ и Жёлтого моря, куда она впадает. И реке, и морю придаёт цвет преизрядная концентрация ила. Значительная часть китайских равнин покрыта лёссом – сверхтонкозернистой глиной, легко размокающей и размывающейся. Великие реки намывают столько лёсса, что под конец пути способны окрасить целое море.

Конечно, далеко не весь лёсс выносится с материка. Основная его часть оседает по дороге. Регулярные разливы рек постепенно покрыли лёссом все местности, куда добрались паводковые воды. Сравнительная однородность почвы китайских равнин – следствие многотысячелетнего заиливания.

Когда первые дамбы отгородили равнину от паводковых вод, лёссовый ил стал оседать только в пределах русла рек. И, естественно, поднимал их дно. Рано или поздно очередной паводок переваливал через земляные валы и растекался по равнине во все стороны. Падая с верха дамб, он обретал мощь куда сокрушительнее, чем при былом плавном разливе. И крестьяне, оправившись от очередной природной катастрофы, вздымали насыпь ещё выше.

Сейчас русла великих рек напоминают грандиозные вариации на тему римских акведуков. На протяжении многих сот километров они текут куда выше окружающих равнин. Хуанхэ местами поднята над землёй на десяток метров, а уж три-пять метров – почти повсеместное обычное превышение. Дамбы соответственно ещё выше – по меньшей мере на пять метров обычного паводка.

Когда паводок всё же перехлестывает дамбы и рушится на равнину с такой внушительной высоты, он сметает всё на многие десятки километров вокруг. Разливы, некогда бывшие ежегодной мелкой неприятностью, ныне происходят раз в десяток лет – но с катастрофическими последствиями.

Вдобавок значительная часть Китая сейсмоопасна. Паводок хотя бы можно предвидеть и загодя эвакуировать людей и самые ценные вещи. Но если дамбу прорывает подземный удар, уйти не успеет никто. Чудовищные по сравнению с большинством других стран потери

при китайских землетрясениях – следствие не только плотности населения, но и стратегии защиты от наводнений, избранной простыми крестьянами тысячи лет назад...

Одна из крупнейших рек Европы судоходна в большей части своего течения. В советские времена Дунайское пароходство было сопоставимо если не с крупнейшим судовладельцем мира – Черноморским (в начале тысяча девятьсот девятидесятых полностью разворованным), то по крайней мере с Азовским – полноценным морским. Нижнее течение Дуная изрядно страдает от заиливания – хотя пока наносы там куда меньше Хуанхэ с Янцзы. Поддержание судоходства хотя бы в крупнейших рукавах речной дельты требует постоянных дноуглубительных работ – но многократно окупается.

Ныне Украина то и дело спорит с Румынией за право пользования некоторыми судоходными рукавами Дуная. И в то же время собственными руками – через поддержание дамб – выводит из строя другие рукава, при должном дноуглублении также способные стать судоходными. Да вдобавок строит себе мину замедленного действия в китайском стиле.

Почему такое решение приняли древние крестьяне, понятно: у них просто не было техники, способной регулярно выгребать со дна больших рек слой ила и тем самым поддерживать глубину русла достаточной, чтобы паводок не вырывался из существующих берегов. Но нынче людям хватает средств, чтобы опустить дно любого нужного рукава Дуная до уровня, исключающего разлив даже при самом мощном мыслимом паводке. Заодно можно не только компенсировать все затраты на работу землечерпалок, но и получить ощутимую прибыль: грузопотоки на Дунае вряд ли в обозримом будущем изменят очевидную ныне тенденцию к росту.

Вероятно, когда речь о дунайских паводках зашла впервые, дамбы показались более простым, скорым и дешёвым решением...

Поговорка «скупой платит дважды» слишком оптимистична. Скупой платит каждый раз, когда обстоятельства вновь напоминают об его скупости.

Между производителем и потребителем Диктатура посредников = диктатура посредственностей

Российское правительство призывает крестьян самостоятельно торговать на городских рынках, дабы не зависеть от произвола перекупщиков. Но за базарными прилавками – в основном люди, даже по виду непричастные к труду на земле. Обычно в этом винят мафиозное объединение интересов спекулянтов и правоохранителей. Но причина чисто экономическая – а потому неодолимая.

Разделение труда повышает производительность. Потратит крестьянин время на поездки в город, на стояние за прилавком – вынужденно уделит меньше сил и внимания уходу за угодьями, за инструментами – произведёт куда меньше. Даже если сам выручит чуть больше – обществу в целом его самостоятельность куда менее выгодна, нежели выделение особой касты торговцев.

Один посредник может взаимодействовать сразу со многими производителями и потребителями. Управляемый им товарный поток куда больше, чем у каждого из его контрагентов. Даже если сам он за свои услуги возьмёт скромную долю общей цены – масса его прибыли вполне ощутима.

Спрос может быть слишком велик, чтобы его удовлетворил один изготовитель. Но торговец не нуждается в значительных производственных мощностях. Ему мало что мешает развернуть сеть на весь доступный рынок. Посреднику легче добиться монополии, чем производителю или потребителю.

Монополия же позволяет произвольно наращивать цену. Посредник способен разбогатеть быстрее любого из обслуживаемых им производителей.

Отправной точкой английского промышленного и финансового могущества считают огораживание – массовый захват общинных земель частными владельцами, сопровождаемый массовым разорением крестьян и принуждением их к работе в промышленности за бесценок. Но пройти от этой точки пришлось немало. Главными шагами стали два запрета. Сперва стало невозможно вывозить просто шерсть: пришлось развивать валяние войлоков и сукон, прядение, ткачество – то есть промышленность. Затем Навигационный акт почти исключил внешнюю торговлю на неанглийских судах. Привилегию обрели посредники между английской – уже стремительно развивавшейся – экономикой и остальным миром. Тогда и стала Британия править морями.

Её владычеству пытались в ту пору всерьёз противодействовать только Нидерланды, до того – ещё в составе Испанской империи – закрепившие за собою львиную долю морских грузоперевозок. Прочим державам куда важнее была стабильность грузопотоков, нежели адресат платы за фрахт.

На рубеже девятнадцатого – двадцатого веков двое адмиралов – американский Алфред Тайёр Деннис-Хартович Мэхэн и британский Филип Хоуард Джордж-Томасович Коломб – обобщили мировой опыт и создали теорию морского владычества. Держава, контролирующая Мировой океан, в любом конфликте опирается на хозяйственную мощь всего мира. Ей не обязательно торговать – как во времена Кромвелла – самой. Достаточно охранять морские конвои. Её противник окажется вынужден дезорганизовать морские – самые дешёвые и объёмистые – перевозки, а потому восстановит против себя даже изрядную часть нейтралов. Вот сколь важны бывают посредники!

Посредники с незапамятных времён изучали вкусы клиентов. А то и формировали их, приучая европейских рыцарей к шелкам и пряностям, индийских раджей к шотланд-

скому виски... В нынешнем информационном мире эта роль явно необходима. Но чем острее потребность, тем проще злоупотребить ею.

Не один живописец жаловался: маршан – торговец объектами искусства – не рекомендует ему экспериментировать, варьировать жанры и стили. Раз уж манера стала привычна покупателям – от добра добра не ищут. Стабильность продаж превыше свободы творчества. А хочешь что-то в себе изменить – прежде всего меняй маршана. Если, конечно, кто-нибудь из этого почтенного сословия захочет сотрудничать с возмутителем спокойствия.

Сходная обстановка и в других отраслях массового искусства. Музыкальные продюсеры, выстроив группы вроде На-На и ВИА Гра, тасуют исполнителей по своему усмотрению – лишь бы общий контур (от фанерного звука до поющих стрингов) не менялся. Радио и телевидение отгораживается от всего творческого жёстким понятием «формат».

Понять финансистов и техников можно. Новому певцу бывают нужны десятки выступлений, чтобы прочувствовать аудиторию и приучить её к себе. А на отработку технологии большой передачи уходят иной раз многие годы. Нынче не только форматы ток-шоу, но и сюжеты сериалов у нас чаще покупают на Западе, где они уже обкатаны. А если что-то в покупке заточено под зарубежные реалии – проще подстроить вкус аудитории под шаблоны вроде закадрового хохота, нежели добиваться от зрителя естественной реакции.

Мало кто из посредников готов выискивать штучный товар, а потом под него искать столь же штучного потребителя. Ориентироваться на массовую – значит, стандартную – аудиторию не только проще, но и выгоднее: неизбежные накладные расходы раскладываются на большее число продаж.

Сейчас постепенно формируются технические средства (вроде поисковых систем в Интернете), позволяющие производителю и потребителю напрямую находить друг друга, выяснять возможности и потребности. Надеюсь, сложится новый рынок, где – как в древние времена искусных мастеров и тонких ценителей – источником богатства станет разнообразие.

Диктатура же посредников – это диктатура посредственности.

Ошибка в ДНК

Кому опасны генно-модифицированные продукты

Наш закон велит указывать на любом продовольствии сведения о содержании генно-модифицированного сырья, если оно превышает один процент. Многим и этого мало. Так, правительство Москвы предлагает отмечать любое ненулевое содержание. Это затронет всю нашу еду – так, сою без генных модификаций давно не выращивают практически нигде в мире.

Коммерсанты саботируют норматив. Ведь запуганный экологическими воплями народ боится «пищи зомби». Но юристы, чуя поживу, могут добить коммерцию – и люди будут шарахаться от любой расфасованной пищи.

А есть ли от чего шарахаться?

Вся наша еда (кроме разве что охотничьей добычи да сбора дичков) сделана из культурных сортов растений и животных. Эти сорта – плод многолетнего (а то и многовекового) отбора результатов мутаций, скрещивания разных образцов для выделения оптимальных сочетаний мутаций и прочих манипуляций над генами, постоянно модифицируемыми самой природой. Генные технологии отличаются от классической селекции лишь тем, что нужные гены можно взять не только от организмов, скрещивающихся естественным путём.

Добыть из полярной рыбы ген природного антифриза и включить его в томат, чтобы новый сорт стал устойчив к заморозкам – задача сложная: надо разобраться, какой из многих тысяч генов отвечает именно за морозостойкость. Но от классики отличие только одно: не нужны миллионы неудачных проб и ошибок. Поэтому нынешние способы несравненно быстрее – значит, дешевле – старых. И при этом ничуть не опаснее, ибо основаны на старых принципах.

В новой работе и ошибки случаются новые. Однажды в сою – бедную аминокислотой метионином – ввели из бразильского ореха ген, ответственный за выработку белка, содержащего очень много метионина. Но как раз этот белок вызывает у некоторых людей сильную аллергию. В чистом виде бразильский орех продаётся свободно: те, кто склонен к аллергии, просто избегают его. Да и природная соя – аллерген покруче бразильского ореха – потребляется – в чистом виде или в добавках к другой пище – большей частью человечества. Этот сорт сои был вообще кормовой. Но производители побоялись, что её по ошибке употребят в еде для людей, и сняли с производства. С тех пор изменены правила генных манипуляций: гены, связанные с веществами, потенциально вредными для человека, вовсе нельзя переносить во что-то съедобное (для человека или даже для животных).

Был и один несчастный случай. Аминокислоту триптофан, выработанную модифицированными бактериями, плохо очистили от питательного бульона для бактерий – и несколько человек, из-за редкой мутации чувствительных к одной из примесей в бульоне, заболели. Технологию очистки усовершенствовали.

Как видим, результаты генных технологий проверяются несравненно жёстче продуктов классической селекции. Если бы Лев Платонович Симиренко в конце девятнадцатого века вынужден был проходить нынешние тесты, любимый мною сорт яблок мог вовсе не поступить в продажу: слишком кислый, да и хранится подозрительно долго – уж нет ли в нём чего-то бактерицидного?

Во многих естественных продуктах есть явно опасные вещества. Так, каждый тысячный европеец плохо переваривает белок глиадин, содержащийся почти во всех злаках (кроме гречихи, кукурузы и риса). Без генной инженерии подобные опасности не устранить.

Абсолютной безопасности не даст никакая проверка: люди ухитряются давиться сливовыми косточками – косточки генно-модифицированной сливы сработают ничуть не хуже.

Но модификации ничем не опаснее «природных» – то есть выведенных привычной нам селекцией – пород и сортов.

Рассказывают о страшных угрозах много и сенсационно. Так, биолУХ профессор Пуштаи обнаружил: если месяцами подряд кормить крыс одним генно-модифицированным картофелем, они почувствуют себя хуже. Его мудрости не хватило на простейшую мысль – накормить контрольную группу крыс обычным картофелем и убедиться, что всеядным животным плохо от любой монотонной диеты. Нейрофизиолог Ирина Ермакова догадалась завести три группы крыс: одну кормила стандартной лабораторной диетой, второй добавляла обычную сою, третьей модифицированную. Но во всех публикациях она сравнивает только первую и третью группы, а о второй молчит: ведь общеизвестно – крысы плохо переносят любую сою!

Страшилки о генных технологиях – клевета. Злостная. И беспроегрешная: пустил слухок в два слова – а опровергать надо горами статей столь серьёзных, что их не всякий прочтёт. Проплачивают её прежде всего производители ядохимикатов и удобрений: ведь главная ныне задача генных инженеров – совершенствование естественной защиты растений от вредных факторов. Ещё один источник финансирования клеветы – Европейский Союз, чьи фермеры вроде Жозе Бове безнадежно проиграли конкурентам из Нового Света и давно выпрашивают казённые подачки: не переучиваться же на более осмысленные занятия! Третий мощный генератор клеветы – политики, поддерживающие отсталость сельского хозяйства третьего мира, дабы голодающая Африка зависела от подкормки из-за океана.

Искренние же адепты панического эколожества напрашиваются на реплику, популярную ещё в мою бытность программистом. В особо безнадежных случаях на вопрос коллеги «Где тут ошибка?» до сих пор принято отвечать «В ДНК».

Право подчинения «Право копирования» противоречит развитию человечества

Условие использования более ранних, нежели новомодная Windows Vista, версий операционных систем корпорации Microsoft – шедевр американской юридической мысли. Поэтому в переводе на бытовой язык выглядит странно. Microsoft милостиво позволяет своим клиентам пользоваться ранее купленными у неё экземплярами её программы при условии, что они предварительно оплатят и новую программу, им самим совершенно не нужную. И всё это – потому, что прежняя система уже была установлена на другом компьютере.

Сразу же установить нужную версию программы запрещено – её продажа прекращена. Заметьте: с производством ничего не случилось – ведь копию программы, в отличие от копии автомобиля, сделает кто угодно. Прекращена именно продажа: разработчик отказался брать за уже готовое изделие деньги, дабы принудить к пользованию другим своим изделием.

Корпорация более четверти века назад придумала любопытную и очень выгодную для неё юридическую фикцию. Она утверждает, что торгует не программами (как автор рукописями) и даже не их экземплярами (как издатель). Она продаёт клиентам только право использования программы – как продавала бы право поселения, если бы владела гостиницей. Отельер вправе сочинять правила пользования своим заведением. Вот и Microsoft ограничивает права пользователей. Причём её услуги нематериальны (отчего и могут размножаться бесконечно), а потому и ограничения не согласуются с реальностью, а определяются разве что богатством фантазии корпоративных юристов.

Программа объявлена «интеллектуальной собственностью» правообладателей – то есть даже не столько самих авторов, сколько тех, кто – как создатель и до недавнего времени руководитель корпорации Microsoft Уильям Генри Гейтс – оплачивает работу авторов. С собственностью же владелец вроде бы волен поступать по своему усмотрению: в римском праве *proprietas est jus utendi et abutendi* – собственность есть право употреблять и злоупотреблять.

Но знатоки латыни отметили: в этом правиле слово *abutendi* значит скорее не «злоупотреблять», а «употреблять необычным образом». Употребление же во вред обществу так или иначе осуждается всегда – хоть во времена разработки римского права, хоть в нынешнюю эпоху слепого мультикультурализма.

Термин же «интеллектуальная собственность» – смесь двух видов прав: самого творца и копирования его творений.

Признаваемые обществом права автора в разные эпохи изрядно различались. Даже концепция автора и авторства сформировалась далеко не сразу: скажем, творцы большей части мифов и легенд Древнего мира неведомы – и, похоже, это не беспокоило ни их современников, ни даже их самих. Но всё же мировой опыт постепенно определил набор правил, практически неотделимых от самого понятия творческой личности. Так, имя автора (или избранный им псевдоним) надлежит упоминать при каждом использовании его произведения (если только речь не идёт о цитате столь общеизвестной, что вся аудитория заведомо её опознает). Изменения, сделанные другими, и пропуски по сравнению с оригиналом следует явно отмечать (и по возможности объяснять). Вся совокупность подобных простых и общепризнанных обычаев на современном юридическом жаргоне именуется неимущественными авторскими правами.

Право же копирования творений (в юридическом слэнге – имущественное авторское право) сейчас сведено к праву запрещать копирование. Что прямо противоречит единственному пути прогресса.

Человек отличается от прочих животных возможностью усваивать чужой опыт не только из непосредственного показа, но и через рассказ – в том числе и рассказ тех, кто сам этим опытом не обладает. Самое полное сегодня выражение такого способа передачи (и совершенствования!) опыта – наука. Основа разработки программ с открытыми исходными текстами – GPL (General Public License – общая общественная лицензия) – по сути, перевод вышеизложенных обычаев авторства, накопленных в основном наукой, на юридический жаргон, выработанный в имущественном праве, то есть ради защиты не столько нового творчества, сколько прибылей от размножения уже готового творения.

Копирайт ограничивает распространение опыта – то есть тормозит развитие человечества в целом. Правда, не навсегда. Но в нынешнем переменчивом мире семь десятилетий после смерти автора – распространённый срок запрета на копирование – мало отличимы от бесконечности: преступный закон делает недоступным всё нужное для ориентации в современной жизни.

Поэтому, в частности, многие странности современного искусства и техники проистекают как раз из опасения попасть под удар поборников копирайта. Не зря ещё Станислав Ежи Лец ехидно спрашивал: «Если хорошее старое побеждает плохое новое – это прогресс?»

Меж тем плоды творчества, не стеснённого запретом опираться на былые достижения, столь изобильны, что для безбедной жизни всё новых творцов вполне хватает даже малой доли, отчисляемой (чаще всего – добровольно) от созданного прежними поколениями. Ибо создано этими поколениями всё человеческое общество со всей его материальной и духовной культурой.

Юридические уловки Microsoft – не только изощрённое издевательство над её клиентами, но и (независимо от намерений корпорации) удар по всему миру.

Гениальный квадрат В чём величие Малевича

Сейчас несколько слов о чёрном квадрате. Хотя на самом деле он не чёрный и не квадрат.

Казимир Северинович Малевич сложил знаменитейшую из своих картин из множества слоёв самых разных красок – но чёрной среди них нет. Каждый краситель поглощает из падающего света свою часть – в конечном счёте не отражается вообще ничего.

При беглом взгляде неправильный четырёхугольник действительно кажется квадратным. Но при повнимательном рассмотрении заметно: все стороны и углы красочного пятна – разные. По авторскому замыслу верхней должна быть самая длинная сторона. Но нам привычнее, когда основание больше вершины – на доброй половине выставок прославленную картину вешают вверх ногами.

Но неужели всё величие работы, написанной ещё в тысяча девятьсот пятнадцатом – только в этих технических тонкостях? Неужели ценители живописи заказали Малевичу – за бешеные деньги – множество авторских копий ради того, чтобы отследить, сколь точно сможет мастер вручную воспроизвести все нюансы изначальной версии?

Вряд ли. Ведь сам живописец не пытался идеально повторять своё решение. Иначе не написал бы в дополнение к семи экземплярам «Чёрного квадрата» ещё и два экземпляра «Красного квадрата» – тоже неправильной формы.

Первоначально – ещё в тысяча девятьсот тринадцатом – «Чёрный квадрат» возник не как живописное произведение, а как декорация к футуристической опере Михаила Васильевича Матюшина «Победа над Солнцем» на либретто Алексея Елисеевича Кручёных и Виктора Владимировича Хлебникова, более известного под псевдонимом Велимир. Возможно, от противопоставления маленькому Солнцу на огромном небе идёт равенство фона и окрашенной площади картины. Хотя в наименее известной супрематической композиции Малевича – «Белом квадрате» – отличить фон от краски может только намётанный глаз опытного художника или хотя бы тонкого ценителя живописи.

Только что я помянул Кручёных и Хлебникова. Они сравнительно мало памятливы современным любителям поэзии. Да и при жизни их знал далеко не каждый. Мало кому под силу отчётливо произнести известнейшее пятистрочие Кручёных:

дыр бул щыл
убешщур
скуп
вы со бу
р л зз

А в провинциальной типографии не смогли набрать шесть страниц хлебниковских производных от корня «люб»: в ту пору текст для печати именно набирали из заранее отлитых отдельных букв, и запаса отливок «Ю» не хватило.

Кручёных и Хлебников – поэты для поэтов. Они постоянно играли со словом. А потом десятки других творцов наполняли найденные ими новые формы разнообразным содержанием. Не зря Владимир Владимирович Маяковский – тоже великий новатор – считал Кручёных и Хлебникова своими учителями.

Поиски Малевича – художника для художников – ещё сложнее. Потому что в ту эпоху менялся не только язык живописи, но и стоящая перед нею цель.

Несколько тысячелетий художники отработывали технологию всё более точного отображения видимой картины мира. Из древнегреческих времён до нас дошла легенда о великих мастерах Зевксисе и Паррисии. Зевксис написал гроздь винограда так точно, что налетели

птицы и попытались её клевать. Паррисий, увидев это, пригласил Зевксиса к себе домой. Тот увидел в мастерской конкурента новую работу, прикрытую полупрозрачной занавеской, попытался её отодвинуть – и оказалось, что занавеска тоже рисованная. Зевксис признал себя побеждённым: он смог обмануть только глупых птиц, а Паррисий перехитрил опытный глаз первоклассного мастера.

С тех пор сделано ещё множество формальных открытий. Так, взаимное расположение предметов точно отображает геометрическая перспектива. А, скажем, Андрей Рублёв написал знаменитую «Троицу» в обратной перспективе – с точки зрения бога, глядящего сквозь икону на молящегося перед нею.

Но в середине девятнадцатого века появился фотоаппарат – и в одночасье обесценил едва ли не все накопленные достижения живописи. Геометрию пространства не воспроизведёшь точнее бесстрастного объектива. Даже цвет на снимках точно передаётся уже более века.

Человеку незачем конкурировать с машиной. Художники стали отображать не просто видимый мир, а, например, свои впечатления от него: целое направление живописи так и называется импрессионизм – впечатленчество. Или выражать внутренние чувства: экспрессионизм – выраженчество. Форму предметов не копировали, а расчленили на простейшие компоненты: Пабло Пикассо назвал своё направление поисков «кубизм».

Малевич тоже много экспериментировал. Сумел определить, к чему приведёт избранное им – и многими его коллегами – направление поисков. И отобразил на полотне конечную точку маршрута.

Предостережение помогло. Многие, кто вслед Малевичу искал супрематизма – верховенства – формы над содержанием, переключились на качественно иные направления развития. Тот же Пикассо вскоре ушёл от кубизма: теперь выделяемые им изначальные элементы видимых форм были хотя и просты, но взяты из природы, а не геометрии.

В неровных контурах и бесчисленных красочных слоях «Чёрного квадрата» знаток истории послефотографической живописи может разглядеть сотни картин, уже написанных выдающимися экспериментаторами, и многие тысячи ещё не созданных проб и неизбежных при этом ошибок. Этот намёк на целую эпоху – главная суть и ценность работы, созданной вроде бы только для своих.

Человек – это звучит дорого Ценность человека растёт по мере падения цены вещей

Вторую Мировую называют Войной Моторов. Но моторы не рождаются и не лечатся сами собою. Результаты войны изрядно зависели от работников, создающих технику на заводах и ремонтирующих её в полевых условиях.

Немцы в расчёте на традиционно высокое мастерство создали непревзойдённую ремонтную службу. Даже система учёта потерь техники исходила из того, что танк остаётся на балансе, пока цела хотя бы табличка с заводским номером: остальное к ней прикрутят и приварят в мастерской.

Зато СССР несравненно лучше отладил серийное производство – в расчёте на неопытных рабочих.

Великий конструктор артиллерии Василий Гаврилович Грабин с началом войны радикально изменил устройство своих пушек – устранил едва ли не все технологические операции, требующие высокого индивидуального мастерства. В результате горьковский завод имени Сталина увеличил выпуск в восемнадцать раз: одних трёхдюймовок ЗиС-три там за войну выпустили сотню тысяч.

Тридцатьчетвёрка военных лет явно грубее первых образцов. Щели в люках моторного отделения так выросли, что немецкие пехотинцы ухитрились, пропустив танк над собой и прыгнув на него сзади, без особого труда заливать туда бензин прямо из канистры. Немалая часть броневых деталей – прежде всего башня – из катаной стала литой: пришлось заметно нарастить толщину (и, значит, вес), чтобы сохранить прежнюю снарядостойкость. Разве что воздушный и масляный фильтр усовершенствовались – и то лишь потому, что изначальные варианты были вовсе неработоспособны.

До войны наша боевая техника рассчитывалась на неторопливый выпуск и тщательный ремонт. Едва ли не вся продукция военных лет по служебным характеристикам похуже. Зато её стало несравненно больше, чем у немцев. Мы их завалили – вопреки расхожему мнению – не трупами бойцов, а техникой.

Боевые потери в Красной Армии всего на десятую долю больше, чем в Вермахте и его союзниках. Вдобавок советские лагеря для военнопленных – в отличие от немецких – соответствовали международным нормам. Мы не мстили за массовую гибель наших пленных от голода, болезней и непосильного труда. Основная часть захваченных нами врагов вернулась домой. Поэтому суммарные потери наших военнослужащих чуть ли не наполовину выше вражеских.

А вот британские и американские торговые моряки довольно долго заваливали врага своими телами. Средства борьбы с германскими подводными лодками и самолётами сформировались лишь через пару лет после начала полномасштабной войны. До того «волчьи стаи» гросс-адмирала Карла Дёница и «кондоры» рейхсмаршала Германа Гёринга охотились за транспортом почти беспрепятственно. Американцы ответили индустриальным способом. Уже к концу тысяча девятьсот сорок второго от закладки до спуска на воду транспортного судна серии Liberty проходило всего шесть недель. Восемнадцать верфей с тысячами субподрядчиков выпускали в день по три транспортника или танкера. Немцы не успевали их топить.

Вторая Мировая знаменовала разрыв со старинной ремесленной традицией бережного отношения к вещам. Сейчас старый подход бытует разве что в самых нищих уголках планеты, где ручная работа ремонтников всё ещё дешёва.

Зато та же война ярко проявила роль умелого человека.

Легендарную линию Мажино – лучшую в мире систему укреплений – германская пехота прошла насквозь за двое суток практически без потерь. Немцы ещё к концу Первой Мировой выработали технологию прорыва таких систем.

Советская армия перед войной имела больше техники, чем германская. Но её не умели быстро и массированно перебрасывать на направление удара, и предвоенные запасы погибли по частям. Только через пару лет боёв войска научились маневрировать. Тогда и стали регулярны наши успехи.

Британцы в Северной Африке потратили около года (и сменили троих командующих), чтобы научиться не отступать перед Роммелем, имея трёхкратный перевес в силах на направлении немецкого удара – хотя обычно такой перевес достаточен для успешного наступления.

Моряки союзников геройствовали не самоубийственно: в конвоях была система спасения экипажей. Спасали и сбитых над морем лётчиков. Легенды о самурайском духе, воспринятые без анализа, помешали японцам создать нечто подобное. В битве при атолле Полпути (Midway) в июне тысяча девятьсот сорок второго утонули сотни лучших пилотов с первоклассным боевым опытом. Япония в дальнейшем так и не возродила мощь своей авиации.

В мирное время ценность человека не столь очевидна. О ней можно судить скорее по косвенным признакам. Так, анекдот с ключевой фразой «Этих детей отмывать будем или новых сделаем?» мог появиться, только когда десяток родов в одной семье из общепринятой нормы стал редчайшим исключением – идея производства людей «с запасом» теперь воспринимается как антигуманная. Нынешние успехи медицины в поддержании жизнедеятельности – и даже активности – тяжелейших инвалидов и безнадежных больных наглядно показывают не только совершенство науки, но и общепринятую веру в необходимость любых затрат ради каждой жизни.

По мере совершенствования технологий падает цена материальных благ. Соответственно относительно дорожают блага нематериальные. Жизни каждого человека придаёт ценность прогресс всего человечества.

Подземные заготовки Создание метрополитена требует предусмотрительности

На перегоне между станциями «Щукинская» и «Тушинская» Таганско-Пресненской линии внимательный глаз замечает станцию «Волоколамская».

Недавно это название передано строящейся станции Арбатско-Покровской линии – между будущими «Мякинино» и «Митино». Новая станция откроется на пересечении линии с Волоколамским шоссе.

Существующую же станцию, наверное, переименуют в «Спартакoвскую». ЛУКойл готов занять часть Тушинского аэродрома стадионом для своей команды. Тогда и выходы доделают. Сейчас лестничные тоннели частично прорыты, но до поверхности не доходят. Ведь станцию построили прямо под Тушинским аэродромом – вместе со всем Краснопресненским радиусом метро. Тогда предполагали, что в скором будущем аэродром закроют, а на освободившейся ровной площадке соорудят большой жилой массив.

Сейчас подобный массив – только со зданиями лучшего качества – занял часть другого московского аэродрома: Центрального на Ходынском поле, между станциями «Динамо» и «Аэропорт» Замоскворецкой линии. Строгие правила воздушной безопасности в столице давно не позволяют использовать лётное поле по назначению. От бывлой небесной практики остались только Центральный аэровокзал да улицы, названные в честь великих авиаторов.

Осталось ещё конструкторское бюро Александра Сергеевича Яковлева неподалёку – хотя и по другую сторону улицы: Ленинградский проспект, шестьдесят восемь. Перед войной и во время неё Яковлев был не только личным консультантом Джугашвили по авиации, но и заместителем по опытным работам народного комиссара авиационной промышленности. Ходынское поле тогда ещё годилось для испытаний лёгких самолётов. Служебное положение позволило конструктору разместиться поблизости от места испытаний. Сейчас завод «Молния», находящийся позади здания КБ, демонтирован, помещения цехов превращены в телесъёмочные студии. Яковлевская фирма уже давно не создаёт столько новых машин, чтобы полноценно загружать производственную базу. Поэтому конструкторы при необходимости ездят на другие заводы.

Тушинский аэродром всё ещё не застроен. Транспортная досягаемость района слишком мала. Рядом с Ходынкой – две крупных магистрали: Ленинградский проспект и Хорошёвское шоссе. Обе сейчас реконструируются. И две линии метро – Замоскворецкая и Таганско-Пресненская. До Тушинского же аэродрома доходят пока только Таганско-Пресненская линия и Волоколамское шоссе. Они обслуживают ещё и соседнее Строгино, и изрядный кусок за МКАДь – Митино и недавно появившееся Куркино. Метро и шоссе перегружены далеко за предел проектных возможностей. Если застроить ещё и аэродром – добраться до изрядной части северо-запада Москвы будет вовсе невозможно.

Когда пассажиропоток из Строгина и Митина перетечёт на ответвления от достраиваемого Краснопресненского проспекта и новый участок Арбатско-Покровской линии, старые пути частично разгрузятся. Можно будет возить жильцов будущих домов на аэродроме. Значит, и станцию запустят.

Достройка станции посреди действующей линии – не исключение.

На Люблинской линии «Дубровку» открыли через пару лет после «Крестьянской заставы» и «Кожуховской», между которыми она стоит. Эскалаторный ход попал в геологически сложную структуру. Потребовалось усиленное крепление – и по ходу работы, и окончательное. Проходка затянулась.

«Шаболовская» на Калужско-Рижской линии заработала через восемнадцать лет после обрамляющих её «Октябрьской» и «Ленинского проспекта». До того не было в районе достаточного пассажиропотока.

«Горьковскую» (ныне «Тверскую») построили через рекордный сорок один год после соседних «Площади Свердлова» (ныне «Театральной») и «Маяковской» – ради пересадки на «Пушкинскую», а потом ещё и на «Чеховскую». Пересадка предусмотрена ещё в начале проектирования Замоскворецкой линии. Ведь перед любой станцией тоннели расходятся в стороны, чтобы освободить место для центрального перрона. Да ещё приподнимаются: тормозить легче на подъёме, а разгоняться на спуске. Всё это надо подготовить заранее: под землёй готовые рельсы не сдвинуть в сторону. Проектировщики Горьковского радиуса – от «Сокола» до «Площади Свердлова» – в середине тысяча девятьсот тридцатых решили: когда-нибудь на пересечении улицы Горького с Бульварным кольцом пройдёт ещё линия и появится станция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.